

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР И СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ АЙН РЭНД «МЫ ЖИВЫЕ» Иванникова Е.С.

*Иванникова Екатерина Сергеевна – ассистент,
кафедра теории и практики перевода,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь*

Аннотация: в статье анализируется произведение американской писательницы Айн Рэнд «Мы живые» с помощью изучения теории философа–марксиста Луи Альтюссера.

Ключевые слова: анализ, американская писательница, философия, теория.

УДК 821.111(73)

Феномен социальной практики обсуждается в работе Луи Альтюссера «Идеология и идейные государственные аппараты», где он вводит идею идеологической функции, которая классифицирует индивидов на «субъекты». Он утверждает, что человек, который подвергается идеологии невольно, превращается в «субъект» и его мировоззрение будет формироваться в соответствии с убеждениями государства [4, с. 157]. Однако он утверждает, «что таким образом, идеология представляет собой не систему реальных отношений, которыми управляет существование индивидуумов, но воображаемое отношение этих индивидов к реальному миру в котором они живут» [4, с. 155]. Таким образом, это «мнимое отношение» будет диктовать, как индивиды воспринимают себя в мире и какую социальную функцию они будут занимать.

Способность человека идентифицировать себя воспринимается через призму социальных практик, которые навязываются людям через идеологию. Поэтому, в интересах государства люди рассматривают себя как «субъекты» (не как индивидуальные идентичности), как только они идентифицируют сами себя, они действуют и думают в соответствии с главными принципами идеологии и не могут сломать круг - они не могут представить себя вне идеологической рамки. С учетом этой идеи, в большинстве книг, посвященных антиутопии, государство предписывает, какую социальную функцию каждый человек будет выполнять для благосостояния страны в целом. Таким образом, индивидуальные чувства или амбиции игнорируются в антиутопии. Согласно Мартину Кесслер, считается, что люди вполне податливы человеческой природе, неспособны на эмоции и осуществление любых суждений за пределами преобладающего мира.

Следовательно, например, в романе Айн Рэнд «Гимн», когда дети достигают возраста пятнадцати лет, им запрещается выбирать свои будущие профессии, поскольку они не смогут ими воспользоваться. Общество произвольно определяет, какие «предметы» они будут изучать и как их тела будут использоваться правительственными нуждами. Айн Рэнд пишет, что учителя, когда дети достигают пятнадцати лет, говорят им о будущей профессии: «Не смейте задумываться о том, какую работу хотели бы выполнять, когда выйдете из Дома Учеников. Вы будете работать там, куда вас направит Совет по Трудю. Совет по Трудю, в своей великой мудрости, знает, где вы нужны вашим братьям, лучше, чем можете это знать вы, имея всего лишь свой недостойный маленький умишко. А если вы не нужны братьям, то вам нет смысла обременять землю своим телом» [2, с. 18].

И они даже не возражают; они привыкли к тому, что им говорят, что делать, что они не видят ничего необычного в этом. Идея о том, что люди эксплуатируются и ценятся только тогда, когда они выполняют свою общественную обязанность и приносят пользу государству, подчеркивается в статье Маргарет Этвуд «Антиутопия». В романе «Рассказ служанки», в Республике Галаад во времена, когда очень мало женщин были способны к рождению вследствие ядерной радиации и химических веществ, женщины ценились только за свои тела, которые могут воспроизводить и снабжать государство детьми. Все люди, особенно женщины, в этой новой республике разделены на классы в соответствии с их социальными функциями и должны носить одежду с цветовой кодировкой для их различия. Женщины, у которых все еще есть жизнеспособные яичники, принадлежат к недавно созданному социальному классу, в котором мужчины назначаются элитой правящего класса. Женщины же сводятся только к репродуктивной цели [3, с. 182].

Когда миссия выполнена, и ребенок рождается, женщину можно переводить в другой отряд. Несомненно, в этом мрачном обществе, женщина буквально воспринимается как тело, «матка», которая может производить потомство.

Фактически, фертильные женщины считаются собственностью государства: они назначаются командирами и рассматриваются не как человеческие существа, а скорее, как предложено Линдой Кауфман, как «территория для овладения», репродуктивный инструмент, который может быть полезен для стабильности общества [4, с. 226]. Линда Мирсиадес обращается к новой социальной функции

женщин в обществе Галаада в своем эссе «Закон», рабыня в «Рассказе служанки» Маргарет Этвуд» и Айн Рэнд в трилогии «Атлант расправил плечи» [4, с. 228]. Она утверждает, что женщины лишены своих человеческих качеств, и вместо того, чтобы выполнять свою традиционную роль матерей, женское тело, которое только контролируется и дисциплинируется в антиутопиях. Женщины и их низшее положение по отношению к мужчинам всегда занимали видное положение.

Как заявила Анджеला Кинг в «Пленник гендера»: «женщины обычно определяются» согласно их репродуктивной физиологии, что делает их слабыми и пассивными [3, с. 31]. Аналогичным образом, в футуристическом мире Этвуда женщины определяются только как репродуктивные инструменты для будущего государства, женское тело, используемое исключительно для целей размножения, пронизывает весь роман, а главный герой, Оффред, постоянно наблюдает, ссылается и анализирует ее тело по ходу истории. В сцене после ее посещения доктора, Оффред признается, раздеваясь, что она не хочет смотреть вниз на ее тело «не потому, что это постыдно или нескромно, а потому, что «она не хочет» [3, с. 82]. Она понимает это так: пока она будет рожать детей, она будет в безопасности; в противном случае она будет отправлена в колонию, где будет выполнять жесткую ручную работу. Государство не предлагает женщинам множество вариантов, поэтому они просто следуют ему во избежание любых последствий и возможно, смерти. Позже в романе, когда главная героиня размышляет над прошлым, где у нее была нормальная жизнь с мужем и дочерью, она признается, что она привыкла смотреть на ее тело как на «инструмент удовольствия», или средство передвижения, или средство для достижения ее воли, что-то живое, гибкое, единственное, твердое [3, с. 95].

Однако теперь, поскольку она была уменьшена до детородного аппарата, «амбулаторной чаши», ее тело, как выразился Рубенштейн, существует буквально, чтобы использовать против нее [3, с. 103]. Установление постоянного контроля над своим телом оказывается очень эффективным, это путь для правящего класса, чтобы держать граждан в покорном состоянии, и чтобы они всегда работали. Когда тела неустанно остаются истощены и заняты деятельностью, нет времени или стремления к активному уму, поскольку, организм истощен и слаб, ему необходимо восстановить свою энергию, будучи физически и умственно инертными. Тем не менее, некоторым людям удается оставаться умственно активными и настороженными, способными видеть все пробелы и трещины в политических и социально-экономических системах государства. Таким образом, это ведет к расширению правительственного контроля над телом до контроля над мыслями. Полное господство над человеком: от кончиков пальцев ног до внутренности их мозга. Кроме того, для обеспечения того, чтобы органы вносили вклад в экономическое благосостояние государства и использовались в полном объеме, они должны быть индоктринированы и искренне верны своим поступкам. Здесь идеология играет огромную роль и заставляет людей принимать их социальные функции и становится мощным инструментом манипулирования и контроля человеческого разума. Таким образом, идеология превращает людей в рабов, которые будут подчиняться и делать то, что им поручает правительство, не считаясь с их собственными личными амбициями. Как утверждает Альтиузер, идеология «наделяет» каждого «субъекта» «сознаниями» и «идеями», которые его «сознание внушает в нем», и, таким образом, заставляют его «действовать согласно его идеям», полностью удовлетворяя секретную повестку дня правительства [3, с. 157]. Именно здесь контроль над телом и умом как двумя отдельными ветвями соотносятся для полного подчинения человека. Для того чтобы люди действовали определенным образом, им нужно на самом деле верить в этичность своих действий.

Правительство убеждало людей, что, то, как функционирует их общество и правительство, предназначено для общего блага государства и его граждан. Следовательно, Равенство 7-2521, главный герой в произведении «Гимн», восхищается этим красиво организованным существованием. [2, с. 6] Он рассматривает свободу как «примитивное» государство [2, с. 3], в котором его предки жили свободно, как «звери», и он не может даже понять, почему правительственная власть этого времени не сделала ничего, чтобы остановить этот беспорядочный образ жизни варваров [2, с. 15]. Граждане одного общества, по мнению Кука, искренне верят, что они живут в утопическом государстве, где невзгоды и «материальная нужность, одиночество и социальная дисгармония были изгнаны», потому что люди могут жить в идеальных условиях того, что герой Айн Рэнд называет «благородным обществом», люди настолько привыкли к своей рутине, что не замечают никаких изъянов в системе и считают, что такой должна быть их жизнь. Владимир Крючков также осуждает главного героя и его идеалистическое видение одного государства в его книге «Еретики в литературе» и утверждает, что «не только государство похоже на преступника, но сами цифры не дают почувствовать их необходимость с их собственным уникальным мировоззрением».

В качестве эксперимента в произведении («Три в отпуске»), рассказывается о «трех отпущенников», им была дана возможность, находиться возле того места, в котором они работали. И все это время они видели невидимые молоты, грубые чугунные инструменты, которые никто не мог увидеть» [5, с. 128]. Это демонстрирует, что они были настолько пропитаны дисциплиной и идеологией, что они, кажется, не предполагают, что их жизнь отличается от других: «Не только государство расценивает преступление

как всякое личностное проявление, но и нумерация не ощущает потребности быть личностью, человеческой индивидуальностью со своим неповторимым миром».

«Они возвращались к своему рабочему месту и целыми часами проделывали те движения, которые в определенное время дня уже потреблял их организм (Пилили, строгали и т.п.).

Правительство сумело превратить людей в машины, неспособные думать или жить в отличие от других. Как предлагает Майкл Берман в своей работе «Обман самого себя», в произведении Айн Рэнд «Гимн», правительство, используя расписание для контроля за поведением и производительностью человека, не только «преобразует их к машинам», но и манипулирует их психическими состояниями, делая их «работоспособными, послушными и практически бессмысленными» [5, с. 131]. Таким образом, сам главный герой Равенство 7-2521 признает, что «Писать — грех. Грех — думать слова, которые не думают другие, и записывать их на бумагу, которую не должны видеть другие. Это низко и порочно. Это все равно что разговаривать, чтобы никто не слышал. Мы хорошо знаем, что нет страшнее преступления, чем действовать или думать в одиночестве» [2, с. 6]. Таким образом, коллектив полностью пересиливает индивидуума в антиутопии. Общество: в то время как «я» игнорируется, подавляется и не действует, «мы» всемогущ и властен.

Индивидуальность считается преступностью в тоталитарном государстве, поскольку она предполагает способность мыслить иначе, чем другие или чувствовать эмоции; таким образом, его нужно уничтожить.

В версии Айн Рэнд после того, как главный герой влюбился и переживает по этому поводу, происходит борьба между коллективным мышлением, к которому он так привык, и его собственной личностью - один из самых ярких моментов борьбы контроля, и его намного легче достичь, когда все равны и обладают одинаковыми мыслями или идеологией [5, с. 130].

В романе «Гимн», написанном Айн Рэнд, счастье и стабильность нации также лежат в коллективе. Главный герой Равенство 7-2521, с первых страниц книги, признается читателю, что само по себе «я» «является страшным словом», поскольку «Мы — ничто. Человечество — все. По милости наших братьев даны нам наши жизни. Мы существуем благодаря нашим братьям и только для них. Ибо они и есть Государство. Аминь» [3, с. 12]. Как заявляет в произведении «Гимн» главный герой Равенство 7-2521, он признает свою индивидуальность с раннего возраста и, тем не менее, не принимает ее, потому что она считается проклятием в антиутопическом обществе [8, с. 10]. По мере дальнейшего развития автора главный герой в «Гимне» хочет следовать своим мечтам и стать ученым, который пойдет против «жизненного мандата», предоставленного ему государством [8, с. 10]. Только когда он находит рукописи из прошлого, скрытые в туннеле, решается открыто признать это, и говорит о своем открытии перед Всемирным советом ученых. Критики указывают на интересную деталь: в обеих книгах, «Гимн» и «Атлант расправил плечи» главные герои открывают индивидуальность, когда они сталкиваются с их прошлым, где «Я» еще не было отменено, и у людей была свобода личного выражения [8, с. 10].

В то время как «я» выигрывает коллективное «мы» в произведении «Гимн» становится своего рода исключением среди большинства антиутопических книг, Равенство 7-2521, по аналогии с главными героями в другой антиутопии, уступает власти господствующей идеологии государства и принимает его. Из-за господствующей идеологии и непреодолимого контроля государства, когда граждане обществ антиутопии по какой-либо причине отклоняются от своих социальных обязанностей и больше заинтересованы в их личных чувствах, они чувствуют, что им не хватает дисциплины государства, поскольку они больше не могут выполнять свои социальные функции и быть полезными обществу. Однако этот подход от социальных обязанностей побуждает их воспринимать себя как отдельных лиц и даже замечать коррупцию за идеологией государства. Это отделение себя от властного «миллионного организма» государственного организма считается болезнью, безумием, ошибкой, которая не допускается [3, с. 124]. Интересно, что всякий раз, когда человек в условиях антиутопии начинает видеть себя как личность, он или она чувствует себя больным. Например, когда главный герой влюблен и не может спать по ночам, что считается незаконным в одном государстве, он признает, что он чувствует себя больным и «не в состоянии выполнять «свои» обязательства перед государством» [2, с. 58]. В течение последних недель, Равенство 7-2521 впервые чувствует себя человеком, он мечтает быть частью человечества, частью его самого, а не номером Равенство 7-2521. Он не хочет, чтобы его определяли в соответствии с его социальной функцией, он не хочет быть собственностью государства - он просто хочет принадлежать ему самому и ощущать человека внутри его плоти.

Одновременно, в произведении Айн Рэнд «Источник», Говард Рорк объявлен сумасшедшим за несогласие с идеями государства, потому что, он был замечен, в контроле своего разума в соответствии с правилами общества [7, с. 205]. Преподаватели в университете: «Вы здесь потому что вы потерпели неудачу в смирении, в самодисциплине. Вы предпочли быть сумасшедшим» [7, с. 205]. Другими словами, те люди, которые имеют достаточно мужества, чтобы идти против обычных правил партии считаются отверженными и помечены как безумные для государства и его идеологии.

Таким образом, единственная правда, которая существует, определяется обществом, и в ней невозможно увидеть реальность, если не смотреть в глаза общества» [7, с. 205]. Далее он уточняет и утверждает, что реальность существует «не в индивидуальном разуме, которая делает ошибки», а только в уме общества, которая является коллективной и бессмертной [7, с. 205]. Он уверен: «Что бы общество ни считало истиной, это истина. Это тот факт, что вы должны переучиваться, Говард. Он нуждается в акте самоуничтожения, проявлении воли. Вы должны смириться прежде, чем сможете стать нормальным» [7, с. 205-206]. Иными словами, нужно разрушить себя, подвергнуться «самоуничтожению», чтобы государство могло заполнить его с его идеологией - единственной правдой, которую нужно знать. Если вы поддерживаете свою собственную истину и свою индивидуальность, вас объявляют психически неустойчивыми и отбрасывают, испаряют с лица Земли. Идея объявить безумный ум безумным не нова. Если оглянуться назад в историю, много советских диссидентов, которые пошли против конвенций и высказались против притеснения советского правительства были объявлены безумными. В книге «Советские психопаты», написанной Харви Файрезидом, автор объясняет, почему правительству было выгоднее объявить кого-то, кто был против режима, безумным вместо того, чтобы обвинить его в политических преступлениях. Жорес А. Медведев в своем предисловии к книге утверждает, что, когда в стране есть свои люди в общей сложности и когда «партия, государство, полиция, КГБ и вся система тесно взаимосвязана, проще объявить одного человека безумным, чем скомпрометировать систему в целом» (Медведев). Кроме того, Харви Файрезид признает, что есть две причины, по которым государство под тираническим правилом решает объявить неуправляемых людей безумными и осуществляет свою гегемонию. Во-первых, если человек считается безумным, он считается общественно опасным и, следовательно, должен находиться в психическом учреждении, и искоренен из общества. Во-вторых, если кто-то объявлен сумасшедшим, его нельзя судить в суде; следовательно, он не может доказать правительству вменяемость, потому что никто не собирается давать ему право защищаться, поскольку он считается больным. Так же как когда Равенство 7-2521 провозглашает, что разрабатывает научные вещи, общество считает это состояние неизлечимым и очень опасным в государстве, и предлагает Совету навсегда «искоренить воображение». Те, кто осмелится раскрыть правду или написать политические стихи, будут провозглашены личностями, с психопатогенными особенностями, и наличием симптомов атеросклероза головного мозга». Они будут объявлены сумасшедшими и отправлены на психологические консультации для лечения.

Граждане одного государства должны пройти Великую Операцию, чтобы устранить свою болезнь. Фактически, Харви Файрезид утверждает, что, как показывают отчеты Сербского Института душевнобольных, любой человек, который показал признаки не ортодоксии должен быть объявлен сумасшедшим и заперт в клинике. Таким образом, существует прямая взаимосвязь между игнорированием логики установленных конвенций и провозглашением безумных людей. Если вы представите правду, отличную от идей общества, ваша правда будет провозглашена бессознательной, невменяемой, бессвязным безумием, которое должно быть изолировано от общества и либо исправляться, либо полностью устраняться.

Айн Рэнд смогла предсказать, насколько безжалостно и бесчеловечно дисциплина правительства стала иметь дело с любым действием или мыслью и предостерегла нас от его ужасающих последствий в ее антиутопии.

Список литературы

1. *Никифорова Л., Кизилов М.* Крымский период в жизни американской писательницы Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) / М. Кизилов, Л. Никифорова. Киев: Laurus, 2012. Т. 1. С. 287—313. ISSN 2305-4034.
2. *Рэнд А.* Мы - живые // пер. Д.В. Костыгина, С.А. Костыгиной / Э. Рэнд. СПб.: Изд. отд. Ассоциации Бизнесменов Санкт-Петербурга «Призма-15», 1993.
3. *Рэнд А.* Романтический манифест: философия литературы / А. Рэнд. М.: Альпина Паблицер, 2011. 199 с.
4. *Binswanger H.* The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z / H. Binswanger. N.Y.: Meridian Printing, 1988.
5. *Conquest R.* Orwell, Socialism and the Cold War // The Cambridge Companion to George Orwell / R. Orwell Conquest. Cambridge: CUP, 2007. P. 126–132.
6. *Rand A.* We the Living / A. Rand. N. Y.: A Signet Book, 1996.
7. *Rand A.* We the Living / A. Rand. New York: New American Library, 2009. 450 p.
8. *Rand A.* Foreword We the Living / A. Rand. New York: New American Library, 2009. P. 9–13.